

Е.В. Андрейченко
(Казахстан)

ВОЗРОЖДЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

В статье мы пытаемся ответить на следующие вопросы:

- 1) Что есть возрожденная лексика русского языка?
- 2) Как функционирует возрожденная лексика?

Пространство и время – понятия, относящиеся прежде всего к области философии, математики, физики и, казалось бы, в гораздо меньшей степени к лингвистике. Однако современная лингвистика не может замыкаться в строгих традиционных рамках. Не утрачивая самобытности, она вбирает в себя знания из других областей науки. Поэтому пространство и время как формы существования окружающего человека мира также находят свое отражение в языке, вербализуясь соответствующими средствами.

Понятия пространства и времени помогают нам в определении статуса возрожденной (возвращенной) лексики, т.к. факт формирования особого пласта в лексической системе русского языка конца XX века еще не получил осмысления в современной русистике и лингвистике в целом. Статус возрожденной лексики может быть определен только через прагматику, через функционирование данной лексики, через ее жизнь в речи. Функционирование лексики – это ее использование и, следовательно, принадлежность к тому или иному синхронному срезу диахронической оси развития русского языка; конкретный же синхронный срез – это *время* для возрожденной лексики. Художественные произведения, другая дискурсная продукция носителей русского языка, также относящаяся к разным синхронным срезам, представляет *пространство* для возрожденной лексики. Совокупность первого и второго составляет культурный контекст, в котором функционируют те или иные единицы языка, в частности возвращенные лексемы. Е.С. Кубрякова отмечает, что «дискурсивный анализ – это анализ текстов, т.е. языкового употребления, но только текстов, взятых в особых качествах и свойствах. Дискурс анализируется прежде всего по мере своего поступления к адресату, т.е. online» [Кубрякова 2000: 20]. Принимая это во внимание, мы анализируем предложенные ниже тексты как дискурсы в режиме реального времени относительно «синхронного адресата» [Гайнуллина 1995: 90]. Синхронные или диахронные адресанты, в свою очередь, – это создатели того или иного дискурса.

Пространство или продукция, произведенная носителями русского языка, может различаться по разным параметрам. Нами избран параметр, представляющий сравнение текстовой продукции, созданной естественным носителем русского языка (*native Russian speaker*) и носителем русского языка, усвоившим его посредством специального изучения (*non-native Russian speaker*).

Возрожденная лексика – это лексические единицы, определенные Толковым словарем русского языка конца XX века (далее ТСРЯ) как «возвращенные слова в актив из пассивного запаса», или слова, возвращенные в активное употребление. Это такие, например, лексемы, как: *Бог, крест, вера, Богородица, воскресение, Господь, Евангелие, знамение, благовест, молитвословие, инок, всенощный, молитва, пост, волость, дума, губернатор, лоббизм, либерал, радикал, акция, вексель, казна, консорциум, бакалавр, магистр, меценат, целитель, лекарь* и т.п.

Лексикографический источник есть одна из форм отражения пространства. В словаре лексическое значение слова, как правило, представлено в самом общем виде в очень сжатом состоянии. Оно как бы свернуто, в нем эксплицируются только такие его компоненты, как архисема и некоторые наиболее существенные дифференциальные семы. Тем не менее, любой

лексикографический источник черпает сведения о семантике описываемой лексики из живого употребления, из текстовой и дискурсной продукции. Анализ этой продукции, относящейся к периоду с 1985 по 1995 годы, показал, что к этому времени в русском языке сформировался пласт лексики, каждая единица которого получила квалификацию «возвращенной в актив из пассивного запаса».

Нами установлено, что за возвращенным словом (а таких единиц, зафиксированных ТСРЯ, оказалось около 600) скрывается возрождение не только языка, но и культуры. Это, в свою очередь, вызывает объективную необходимость рассматривать данный языковой феномен с учетом его лингвокультурологических характеристик. Обоснованием же возрождения языка и культуры служит изучение функционирования возвращенной лексики в различных текстах.

Значимость возвращенной лексики невозможно выявить со всей полнотой без обращения к диахронии языка. Чтобы подтвердить данные положения, мы обратились к тексту романа А.Н. Толстого «Сестры», написанному в эмиграции с 1919 по 1921 годы. Для сравнения особенностей функционирования тех же самых лексических единиц, но в статусе «возвращенных» (возрожденных) в современный русский язык конца XX – начала XXI века использованы роман Ф.П. де ла Парте «Надя», а также интервью Э. Радзинского, Н.П. Бехтеревой, М.Б. Пиотровского и других видных представителей современной русской культуры, создателей оригинальной дискурсной продукции, которые могут служить достоверным и объективным подтверждением значимости возвращенной лексики для носителей современного русского языка.

Покажем это на примере истории употребления только одной лексемы *вера*. Возрожденное слово *вера* вернулось в актив со значением «уверенность, не требующая доказательств в существовании Бога (или Богов), создавших мир и поддерживающих духовную связь с людьми» [ТСРЯ 1998: 128]. Только архисема 'уверенность' и некоторые дифференциальные семы выступают в лексическом значении, приведенном лексикографическим источником. Функционирование лексемы в дискурсной продукции позволяет потенциальным семам, имплицитно дремлющим в составе лексического значения, образовать коннотации лексического значения, которые сигнализируют о культуре народа – носителя языка. Коллектив носителей русского языка или каждый отдельный его представитель, создавая дискурсную продукцию, репрезентированную через слово, через его употребление, возвращает прошлые традиции, культуру, тем самым придавая слову особый статус возрожденного и одновременно возрождающего. В этом проявляется двусторонняя взаимозависимость влияния экстралингвистических факторов на язык и языка на культуру. Человек, владеющий одним или несколькими языками, является носителем культуры народа, для которого этот язык родной. Человек, если он носитель той или иной культуры, непременно носитель соответствующего языка. Поэтому языковой знак и активен и пассивен одновременно, он воздействует сам и подвергается воздействию. «Знак содержит четыре разных типа информации: 1) о каком-то фрагменте мира; 2) о том, в какой форме этот фрагмент отражен в сознании человека; 3) о том, в каких условиях этот знак должен использоваться; 4) о том, как он связан с другими знаками» [Кобозева 2000: 43]. К этому можно добавить: о том, как он связан с другими знаками, может влиять на них и сам также испытывать воздействие со стороны других знаков. Лексическая семантика проявляет такую способность только при функционировании.

«Отойдя от кровати Олега и выйдя в коридор, Надя еще раз взглянула на сына – на этот раз спокойно и пристально, словно в одном взгляде хотела передать ему свою любовь и нежность. В течение последних двух лет она повторяла эти действия как самый священный ритуал единственной исповедуемой ею веры» [Паскуаль де ла Парте 2002: 8].

Так выглядит реализация лексического значения слова *вера* в приведенном микроконтексте. Какая вера исповедуется здесь? Известная только героине и автору? Нет. Можно эксплицировать каждую, даже самую мелкую составляющую лексического значения слова, реализованного в контексте. Обширность и значимость реализованного значения

позволяет подтвердить или опровергнуть выдвинутый тезис о возрождении культуры через слово, а также о статусе возрожденной лексики в русском языке конца XX – начала XXI веков. Начиная с анализа микроконтекста, в действие приводится семантическая сеть лексических значений слов произведения, которая и пронизывает его. При помощи возбуждения этой семантической сети мы начинаем эксплицировать, восстанавливать значение слова в его функционировании. «Исповедуемая ею вера» – непременно уверенность в существовании Бога. Архисема фиксируется явно. Вера в Бога, вера в жизнь, вера в будущее, вера в добро руководит действиями человека; вера управляет духовной и материальной жизнью человека. Семантическая сеть «вздрагивает» и мгновенно эксплицирует самую сильную связь со словом Бог, которое также является возрожденным (в романе «Надя» слово Бог употреблено 11 раз). Лексическое значение слова *вера* начинает раскрываться, расширяться при своей реализации через слово *Бог*, но, может быть, еще в большей степени лингвокультурема *Бог* реализуется через *веру* и другие языковые единицы, главным образом через слова, обладающие статусом возвращенных. Во многом в тексте мы встречаем мысль о проявлении Бога, именно Его проявление, присутствие самого Бога, а не только веры в Него. Эта сема в слове *вера* также получила свою реализацию только в контексте.

При данной реализации слова *вера* мы эксплицируем потенциальную сему тяжелой жизненной ситуации, в которой необходимо исповедовать «свою веру», конечно, основанную на истинной. Семы причин обостренного чувства веры и ее необходимости также вскрываются только в процессе исследования функционирования лексемы. Грань между старым и новым, между ужасающей пропастью и вершиной счастья присутствует фоновым знанием, потенциальными семами в реализации значения слова *вера* в этом микроконтексте. Реализация значения слова все больше расширяется и наполняется новыми коннотациями при развертывании от микроконтекста до макроконтекста, равного всему художественному произведению.

Автор поступательно использует слово *вера* в разных микроконтекстах, углубляя и расширяя коннотации лексического значения слова.

«Отвечая на вопросы Курта, Сергей объяснял, как ему удалось привить своим дочерям вкус к хорошей музыке и воспитать их в духе православной веры – в совсем не подходящем для этого окружении» [Паскуаль де ла Парте 2002: 89].

Вера здесь конкретизируется, она соответствует религиозному мировоззрению носителей определенной культуры. В приведенном контексте лексическое значение вновь не ограничивается только «уверенностью в существовании Бога», здесь присутствует уверенность в существовании правды, истины, разных миров, как земных, так и небесных. Нарращивание коннотаций становится возможным только при функционировании слова, что соответствует его принадлежности к определенному времени и пространству.

«Да, как и любая религия, коммунизм также породил ереси... И вот теперь народу говорят, что все было сплошным обманом, ложной верой, ошибочным путем: что принесенные на его алтарь жертвы оказались напрасными; что нужно вернуться к 1914 году и начать все заново; что все было дурным сном» [Паскуаль де ла Парте 2002: 266].

Перед нами еще одна фиксация слова *вера* в дискурсе. Автор подарил слову новую жизнь через употребление этого слова в данном контексте. Возрождаются исконно русские традиции, где рука об руку идут вера, религия и культура. А также через употребление этого же дается оценка целой эпохе. Контрастное сочетание двух лексем *ложный* и *вера* выводит на поверхность потенциальные семы оценки. Ближайший микроконтекст представляет еще одно возрожденное слово – *алтарь*. *Веру* и *алтарь* связывает семантическая сеть. В эту сеть входят коннотации лексических значений слов *вера*, *алтарь*, а также и других слов. «Алтарь ошибочного пути» еще более усиливает проявление оценочных сем в лексическом значении

слова *вера*. По семантической сети макроконтракста слово *вера* связывается с такими словами, как *Бог*, *грех*, *духовность*, *монастырь*, *спаситель*. Именно при последней приведенной реализации слова *вера* в этом контексте чувствуется острая нехватка вышперечисленных ценностей, их нынешнее возрождение; оценка, острое осуждение их отсутствия в прошлом. (Сталкиваются вера истинная и вера ложная; последняя основана на принципах истинной веры, но содержание ее заключается в отсутствии Бога.) Предоставляется возможность, используя ресурсы семантической сети, более глубоко проанализировать и эксплицировать семы слова *Бог* через реализацию лексического значения слова *вера*. Вера в семантическом пространстве примерно на одинаковом расстоянии от слов *Бог* и *религия*. И первое, и второе слово в структурах своих лексических значений содержат семы принадлежности к вере. В этом треугольнике слов *Бог* – *вера* – *религия* дает о себе знать «обратная связь» анализируемого контекста, в котором через реализацию лексического значения слова *вера*, а точнее через сочетание *ложная вера* можно эксплицировать следующие семы. У слова *вера* сема ‘религия’ есть обязательная составляющая лексического значения. У слова *Бог* сема ‘религия’ – это непостоянная составляющая его лексического значения, которую можно квалифицировать как потенциальную сему или совсем не включать ее в константную структуру лексического значения слова *Бог*. Все сказанное содержится в реализации лексического значения слова *вера* в приведенном микроконтексте, развернутом до макроконтракста. Такие нюансы в структуре лексических значений слов практически не фиксируются лексикографическими источниками, что и приводит к острой необходимости изучения функционирования возрожденной лексики в текстовой и дискурсивной продукции.

Естественный, или первичный, носитель русского языка примерно в тот же период времени употребляет слово *вера* следующим образом:

«Дело не в вере. Скажем, феномен клинической смерти, выход человека из телесной оболочки, взгляд на себя со стороны доказаны наукой». «Теперь у меня есть вера, но нет признания правильным абсолютно всего, что делается от имени Господа... Не хочу никого соблазнять верой или настраивать против нее. Пусть каждый решает сам...» [Бехтерева 2002].

И в этом контексте происходит разворачивание лексического значения слова от архисемы до экспликаций дифференциальных и потенциальных сем. В первом случае вера не противопоставлена науке. Более того, в слове *вера* присутствует научная составляющая. Следовательно, реализуется значение: ‘вера есть уверенность в существовании Бога, научно объясненная’. Слово *вера* развивает коннотацию как дополнительный лексический фон в своем значении – оспаривание правоты деяний от имени Господа в некоторых случаях, т.е. присутствует оценка действий от имени Всевышнего. Если вера становится научно объясненной уверенностью, следовательно, в ней присутствует сомнение, как и во всякой науке. Но вера живет сегодня, она воскресла, она приобрела новую жизнь, она живет в слове, которое в наше время реализует свои реальные и потенциальные возможности намного шире и разнообразнее, чем на предыдущих синхронных срезах. Это ярко проявляется в семантических связях с другими возрожденными словами. В данном случае – с Господом, грехом, настоятелем, миром, святым. Например:

«Я верю тому, что написано в житиях святых, что рассказывает мне отец Геннадий, настоятель Софийского собора в Пушкине...» [Бехтерева 2002].

Все вместе указывает на значимость слова *вера*, взятого в качестве примера для иллюстрации возрождения культуры, возрождения ее через слово и возрождения самого слова. В последнем примере употреблен глагол *верить*, что не только семантически, но и грамматически связывает этот микроконтекст со словом *вера*. Это еще более сближает разные микроконтексты в пределах одного макроконтракста, выводя при этом на поверхность информацию об особом статусе возрожденной лексики для социума носителей русского языка

конца XX – начала XXI веков. Можно также говорить о расширенной реализации слов *святые* и *настоятель* в микро- и макроконтестах, но этому следует посвятить уже другую работу.

Как мастера эпохи Ренессанса возрождали каноны античного искусства, привнося дух своего времени, так и современный носитель русского языка возрождает слово и культуру, совмещая лучшие национальные традиции, историю с бурлящей современной жизнью.

Возрожденные слова являются центром внимания не только в лексике нашего времени. Они занимали приоритетное место и на других синхронных срезах истории русского языка до их ухода в пассивный запас. Только статус этих слов был связан с их использованием без коннотаций необычности или особенной яркости. Именно в этом проявляется влияние **времени** на жизнь и функции слова.

Алексей Николаевич Толстой употребляет слово *вера* так:

«Ночью: свет, шум, вывески, вертится, крутится... Народ валом валит... Бессмыслица!!! Да, это Москва... Скажите мне, старику – неужели за эту суету окаянную у нас там кровь льется? Где отечество? Где вера? Где царь? Укажите мне» [Толстой 1986: 205].

Здесь в слове *вера*, как видим, находит свое отражение время первой мировой войны, реализованное в этом микроконтексте, где максимально ступаются все его смыслы, образуя некий монолит. Ощущается четкая граница между ушедшим и наступающим. Эти культурные фоновые знания также большей частью раскрываются через значение слова *вера*.

«Не было большой веры в нового царя у русских людей. Но жить было надо».
«Кланялись низко и Крыму, и Литве, и шведам. Берегли веру» [Толстой 1986: 265].

Реализуются два основных значения слова *вера* – «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога, безусловное признание истин, открытых Богом» [Даль 1978: 331]. Так трактует слово *вера* век девятнадцатый, и еще очень сильно ощущается его дыхание в начале XX столетия. В тексте романа «Сестры» непременно развиваются дополнительные коннотации и у лексического значения слова *вера*, тем более что автор упоминает о событиях 1600-х годов на Руси. «Берегли веру» в Господа, в будущее, которое во времена А.Н. Толстого стало казаться «бессмыслицей»; и это будущее наступило теперь, оно настоящее для нас. И мы возрождаем то, что берегли, проливая кровь, наши предки.

Изменившаяся жизнь носителей русского языка конца XX – начала XXI веков породила изменения в русском языке, особенно в лексическом его составе. Одним из таких изменений стало формирование целого пласта возрожденной лексики. Функционирование ее в текстовой и дискурсивной продукции разных эпох и разных типов носителей русского языка узаконивает ее возрожденный статус.

Пространство и время для возрожденной лексики становится неизбежным арбитром и свидетелем ее собственного возрождения и возрождения культуры через нее.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерева 2002 – Бехтерева Н.П. Верю в вещи сны // Время, 28.02.2002.
Гайнуллина 1995 – Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (историко-лингвистический аспект). Алматы, 1995.
Даль 1978 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
Кобозева 2000 – Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кубрякова 2000 – *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М., 2000.

Паскуаль де ла Парте 2002 – *Паскуаль де ла Парте Ф.* Надя. Алматы, 2002.

ТСРЯ 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. СПб., 1998.

Толстой 1986 – *Толстой А.Н.* Хождение по мукам. Краснодар, 1986.